

На малость текста несмотря

Преображенский? Борис Владимирович? Да: сложный человек, многоликая личность. Сотрудничество нервное, для того же газетчика, например. Попросишь его рассказать о подводных ландшафтах, напишешь со словами – и с трепетом (профессор же да в международном масштабе вдбавок) даёшь просмотреть: так ли? Он листает рукопись, сам весь из себя видом – словно экзамен принимает. Вот, глядь, и нахмурился тучей; значит, почти испуганно думаю, сейчас получу по первое число, как, бывало, первокурсным студенческим делом. А он, резким движением вручая мне горсть исписанных листов, пасмурным тоном говорит: «Всё в порядке».

Преисполнившись самоуважением, в очередной раз смело прошу у него статью и слышу колкое: «А ну вас, знаете ли! Вечно напечатаете с ног на голову».

Бормочу озадаченно: «Но ведь в прошлый раз...».

– Ладно, – ворчит он и оперативно выполняет заказ да ещё добавляет фото своего собственного подводного исполнения.

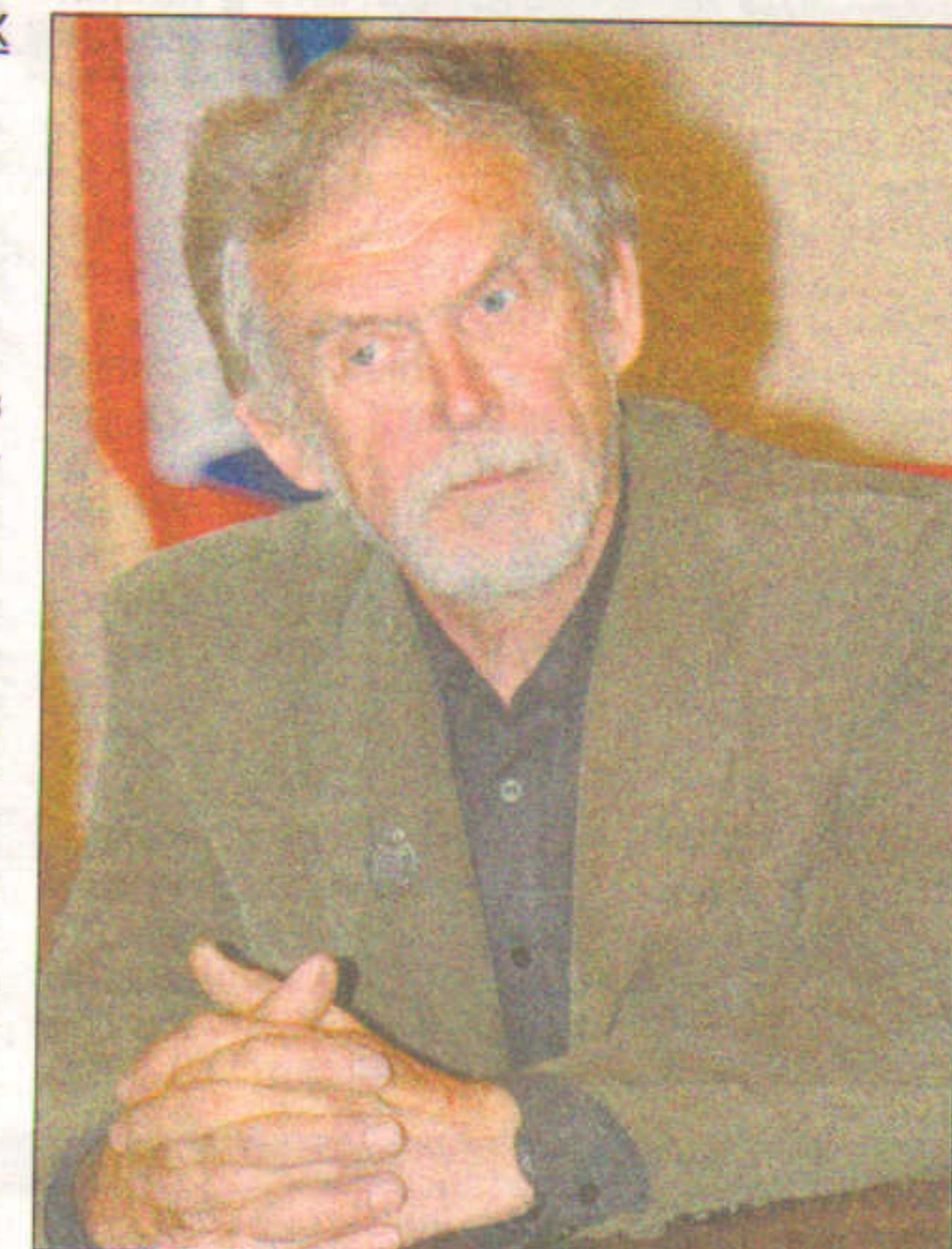
– Но мы не работаем в цвете.

– Ах, не работаете!

Сердито прощается.

Непростой, что не говори, нрав, но – талант, талант. И труженик сломя голову: никакая тебе усталость, никакие тебе недуги работе не помеха. Нашёл-таки время написать толстый мемуар, был-таки добр прислать его в наш «Дальневосточный учёный». Внизу – фрагмент из этого произведения. Малость. Но словесный портрет автора его, чаем, прорисовывается, на малость текста несмотря.

(Наш корр.)

О наших авторах

САМ СЕБЕ ДУМАЮ ...

– Не гложет ли тебя тоска, о Волька?
– Гложет...

«Старик Хоттабыч»

Хоть я и не Волька, но гложет и гложет меня что-то, и если не тоска, то, может быть, забота. Печаль о несделанном, о когда-то возможном, но не исполненном, о том, что вообще мало чего в этой жизни успел. Видимо, правда жизни заключается в том, чтобы бодливой корове боярье не давал. И в этом не просто правда, а главное правило техники безопасности. Безрогих коров надо селекционировать, выращивать и особым образом дрессировать-воспитывать, чтобы были не только безрогими, но и бодливыми. Интересно, успел ли я что-то раньше, тогда, впрежней, навсегда забытой моей жизни? Может, опять прислан сюда, в этот мир, прошлые недоделки доделывать, да позабыт-позаброшен! Вроде как по пословице «поднять – подняли, а разбудить забыли». Гнетёт ощущение привычного подкованного недовольства собой, своей необъятной и беспредельной инертностью и ленью, постоянным и вполне обоснованным подозрением самого себя в собственной недочленности. Молодые сотрудники Академии наук часто называют себя учёными, и это льстит их самолюбию, а я вот так не могу. Думаю, что учёной бывает собака, ворона, попугай. Я к себе этого приложить никогда не смею. Не учёный, а просто научный работник из академического института.

По природе я сравнительно хорошо защищён от внешнего воздействия. В качестве самозащиты использую умение ловко отгородиться от всего мира и спрятаться внутри собственного внутреннего «я». И никому туда ходу нет, и дороги не знают. Последнее мне ещё с раннего детства хорошо удаётся. Вот они там ко мне с соцсоревнованиями, с вступлением в ряды «кому нести чего куда»..., чего-то там есть, а я сижу себе помаленьку и сам с собой веду беседы. Умные такие беседы. В психологии это причисляют к аутизму и к комплексу неполноценности. Вот и славненько. Мои воспитатели могли бы быть довольны, если бы хоть один из них остался после этого жив до сих пор. Но, уж, это вряд ли. Так долго не живут.

Комплекс неполноценности в моё время нам в школе прививали очень старательно и целенаправленно. Такая методика воспитания вполне оправдана на государственном уровне, исходя из государственных интересов. Самостоятельный и независимый человек без комплексов способен на принятие независимых решений. А для нашего государства, основанного на жёсткой диктатуре личности, или клана, это весьма опасно. Не напрасно последняя массовая волна репрессий в СССР была организована после войны, когда домой возвращались хватавшие свободы действий воины-победители. Их надо было срочно загнать в жёсткие рамки или ликвидировать. А молодёжи навязать комплекс неполноценности, оградить её от возможности самостоятельно мыслить и принимать ответственные решения. Это возможно только через прохождение тщательного промывания мозгов в

пионерии и комсомоле. И вырастили павловов морозовых целое поколение, а то и два, а может, и все три.

Моё поколение относится к так называемому «потерянному поколению». Сменилась парадигма в государстве, отменились, или сменили форму массовые репрессии, люди начали задумываться не только над своей историей, но и над философией, сами начали себя воспитывать и образовывать. Что с ними делать? Прежде всего сделать вид, что этих людей просто нет. Их надо попросту потерять. Сюда относятся те, кто, имея хорошее верхнее образование, оказались не у дел и государством не востребованы. Да и кто тебя востребует, кому ты нужен! Все места и должности давно и нагло заняты ещё советской неприветливой коррумпированной бюрократией да ловкой наглой молодой бездарью. В этом они как раз преуспели. Пугали наше поколение интернационализмом, гоняли, арестовывали и гноили всех более или менее активных до такой степени, что люди разбежались по углам, как тараны, засели в разных учреждениях, конструкторских бюро и шарашках в виде инженеров и техников среднего звена, стали специалистами высокого класса, досидели там до пенсии и потихоньку спились или повымирали. Как там у Некрасова? «Создал песню, подобную стону, и бесславно навеки почил...»

Сегодня методология изменилась. Вместо промывания мозгов используется метод лишения мозгов с помощью резкого целенаправленного понижения уровня культуры, понижения качества образования, замены образования низменными инстинктами через наркоманию, молодёжное пивное пьянство, распространение порнографии и поп-культуры на американский манер и полного отторжения молодого поколения от древней национальной культуры. Необразованной массой управлять легче, особенно если использовать массовое зомбирование оглушенного поколения. Средства массовой информации стали средствами массовой идиотизации населения. Результат оказался даже лучше. Главная потребность – напиться да на люстре покачаться. Теперь всем всё до лампочки.

Почему всем всё до лампочки? Почему нигде всерьёз не бастуют, не протестуют, все вроде бы как даже и довольны? На Руси всегда так. Цари и царьки к народу со времён Грозного относились как к своей собственности, как к собачьему корму, и им ничего не стоило отдать приказ поубивать сотню-другую тысяч лягушек. Дело-то государственное! Русский человек в России к государственным делам допущен быть не может. Это поняли ещё первые Романовы. Грозный Иван Васильевич со своей опричниной мятежил-жёг-насиливал, потом череда полудурков, Смутное время с поляками, казаками да кучей Лжедмитриев, а потом давай всех хлестать Романовы! Взбалмошный Петруша всё потешался над Россией, бороды стриг, унижал бояр, заменив их впоследствии на дворян, искренивая русскую древнюю культуру, всё онемечивал, заставлял пить-курить. Как же, прогресс!

Бот и вывели особенную на весь мир

рабскую породу. Вот вам и четыреста лет безбедной немецкой оккупации России. Таков же был и выработанный чужеродными большевиками государственный подход к уничтожению русского крестьянства, выращиванию бездушных народных масс в советское время. Сейчас за дело с новым энтузиазмом взялись новые реформаторы. Эти уже работают более грамотно, по инструкции, как учили.

Меня как выкорьыша системы всегда и везде, слава Богам, попросту забывали. Забыли, что я не пионер, забыли призвать в армию. Ну и хорошо! Кто бы спорил. Я сам себя воспитывал и образовывал, хотя и имею за плечами очень хорошую университетскую базу. Чему меня научил университет и чему он сегодня совсем не учит – так это учиться. Мне всегда были чужды призыва партии и правительства, все налагаемые сверху ограничения в мыслях, все бесспорные ограничения в моих правах. Терпеть не могу бюрократов всех уровней иерархии и всех мастей. Теперь как я для них, так и они для меня не существуют. Это я их забываю, знать не хочу и в упор не вижу. Меня-то потеряли, забыли всё моё поколение. Это и называется социальный аутизм.

Но, как оказалось, мой сугубый стиль совершенной внутренней независимости имеет международное и конституционное правовое обоснование, о котором я никогда даже и не подозревал. Вот что по этому поводу пишет Истархов, гонимый сионистами и их судебно-прокурорскими приспешниками всех мастей: «В статье 17, п.2 Конституции России сказано: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». А я-то думал, что это ОНИ там где-то наверху, совершенно про меня не зная и забывши, дают мне возможность существовать и имеют на это право, а я им должен быть всегда благодарен и обязан. Ведь с детства мне вбивали в голову: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство!» Комплекс неполноценности вполне сознательно закладывается в каждого из нас с детства: окрики, такое энергичное и убедительное изгнание из класса, чтоб лбом вышиб дверь, вызовы в учительскую, к директору, угрозы вызова родителей, стояния в углу, оставления после уроков и прочие унизительные меры воздействия «воспитателей».

Надо посмотреть на это «счастье» с моей индивидуальной точки зрения. Вот возьму да и обнаглею до такой степени, что посмотрю на мир своими собственными глазами.

Не знаю, как у кого, а у меня было три детства – по порядку следования это Самаркандское, Ташкентское и Воронежское. Соответственно – три памяти, три жизни, резко различавшихся по климату, по укладу жизни, по стилю питания и выживания.

В моём самом последнем, воронежском, детстве среди пацанов было принято мечтать о том, чтобы быть лётчиком. Все хотели – и я хотел. Потом стало модно мечтать стать моряком. Все мечтали – и я мечтал. По крайней мере, модели парусных судов из дранки делал без всяких чертежей, так просто, на глязок. Потом оказалось, что мне о таких германских профессиях мечтать

нельзя, потому что скоро слаб глазами стал. А было время, когда у меня в моём самаркандском детстве было идеальное зрение. Вон мартышка только к страсти слаба глазами стала, а я с ташкентского детства стал ими слабеть. Что-то капали злое и жгучее, куда-то волокли с завязанными глазами, я спотыкался, глаза чем-то мазали. Я жалобно канючила. Термин «нытик» мне знаком. И адресован он был мне. Ну, что же, нытик, так нытик. Запомним и навсегда сделаем выводы. Вообще из каждого обидного наименования надо делать выводы. И тогда ты защищён.

Потом, уже школьником средней школы, я стал мечтать, чтоб когда-нибудь врачи придумали, как сделать близорукий глаз нормальным, и мои глаза станут видеть нормально без очков. А то уж больно обидно быть «профессором». И тогда я всё-таки стану моряком или лётчиком.

Есть у меня такое счастливое неумение вовремя распорядиться отпущенными мне судьбой способностями и возможностями. Я эти возможности счастливо пропускаю и способности по лености не развиваю. Да и как обо всём этом знать! Никто ведь не надоумит, а сам не догадстан. А как оглянешься назад через много лет и событий – ан возможность как раз были, а ты их уже давно и безвозвратно упустил. Ну и бес с ними. Может, оно и к лучшему.

А я всё время сомневаюсь во всём, что говорят.

В смысле истории я совершенно безобразно не образован. Но как тупо посмотрю на реальные события действительной жизни у нас на Руси – всё, что ни делается, всё и всегда только к худшему. Уж, казалось бы, хуже некуда. Нет, придумает очередной взгромоздившийся на вершину власти злодей, или как минимум болван такое, что становится ещё хуже. Оглянешься бегло назад, в историю Руси, – и кроме болванов и злодеев, у власти почти никого вроде как бы и не просматривается.

Как говорила классная руководительница нашей незабвенной дочери, – «всё хуже и хуже». Это она про поведение своих подопечных, наблюдая за его изменением из года в год. И ведь похоже, что права. Посмотрите сейчас на изуродованную школу.

Обобщая жизнь – это такая труба, в которую тебя впихивают, не спрашивая твоего согласия, и по которой идёшь, позёшь, лезешь, катишься с одного конца к другому почти без оглядки. Сзади всё известно, скучно, обыденно и ничего интересного. Прошлое было, но его уже больше нет. Впереди всё неясно, но светло, свет слепит глаза и потому тоже ничего не видно. А позади всё ясно, порой видны детали, но вообще там всё бесмысленно и постепенно тонет во мраке. Для чего тебя сюда выпихнули и откуда? Камо грядеши? И воистину правда: прошлого уже нет, потому, что оно уже прошло, будущего ещё нет, потому, что его ещё ни разу никогда и не было, а есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнью...

И жить надо сегодня, сейчас. И живём мы не для того, чтобы..., а потому, что... И нечего тут мудрить и искать смысл в существовании. Есть только причины и следствия. Вот и говори о предназначении человека в этом мире. Каждый сам себя либо предназначает, либо нет, и наполняет или не наполняет свою жизнь смыслом, видимым только себе самому.